

СОЛЬ ДВУХ МОРЕЙ

АНАСТАСИЯ ЧЕСЛАВСКАЯ

Анастасия Чеславская

Соль двух морей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73427678

SelfPub; 2026

Аннотация

Две женщины. Две эпохи. Два моря. Одна судьба.

Анна, современный историк из Петербурга, влюбляется в блестящего аспиранта с Востока и, повинувшись зову сердца, уезжает с ним в его родную страну, где полыхает война.

Она еще не знает, что повторяет путь своей прапрабабки Марии, которая сто семьдесят лет назад, во время Крымской войны, ушла с турецким офицером в Стамбул, оставив позади все, что любила.

Две судьбы переплетаются через время – дневник Марии, найденный в старом сундуке, становится для Анны путеводной нитью в мире, где она теряет себя. Мария выжила, сохранив веру и достоинство в чужой стране.

Анне предстоит сделать свой выбор: остаться и раствориться в патриархальном укладе или уйти, чтобы спасти себя и будущего ребенка.

Война, любовь, предательство, вера, материнство и невероятная женская сила – история о том, как женщины одного рода учатся быть солью земли: горькой, сильной, незаменимой.

Содержание

Часть первая. Лёд и пламя	4
Глава 2. Чужой	11
Глава 3. Выбор	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анастасия Чеславская

Соль двух морей

Часть первая. Лёд и пламя

Глава 1. Последний день зимы

Санкт-Петербург, 2023 год

Я никогда не думала, что сундук может пахнуть людьми.

Запах ударил в лицо, едва я приподняла тяжелую крышку – пыль, старое дерево, лаванда и еще что-то горьковато-сладкое, чему нет названия. Бабушка говорила, это «время». Время пахнет именно так – как запечатанная жизнь.

Мы разбирали квартиру на Петроградской уже третью неделю. Бабушка Люба умерла в январе, аккуратно, словно извиняясь за беспокойство, – уснула и не проснулась. Восемьдесят семь лет. Похороны, поминки, бесконечные очереди соседей с воспоминаниями. И вот теперь – этот сундук, который она никому не позволяла открывать при жизни. «После меня», – говорила.

Я сидела на холодном полу в одних колготках, отогревая дыханием пальцы, потому что батареи в старом фонде работали из рук вон плохо. Март только начинался, и город еще

держала серая, промозглая хмарь, от которой не спасали ни шерстяные носки, ни чай.

Сверху лежало бабушкино подвенечное платье – кремовый шелк, тронутый желтизной, ручная вышивка по вороту. Я помнила фотографию: бабушка в нем, тонкая, как свеча, рядом с дедом, который смотрит на нее так, будто она – единственное, что имеет значение в этом мире. Он умер за два года до ее ухода. Я думала, она не переживет. Она пережила. Молча, как умела, каждый вечер ставя две чашки на кухонный стол.

Под платьем – стопка простыней, выглаженных и пахнущих уже не лавандой, а чем-то аптечным, больничным. Бабушка готовилась. Она всегда готовилась – к войне, к голоду, к смерти. Складная женщина.

Я почти собралась закрыть сундук до следующего раза, когда рука наткнулась на дне на что-то твердое, завернутое в холстину. Сверток был тяжелым, не по размеру, и я развернула его с тем странным чувством, когда понимаешь – сейчас увидишь то, что видеть не должна, но уже не остановиться.

Амулет.

Я и слова такого не люблю – амулет, оберег, талисман. От них веет базарной суетой, цыганщиной, дешевой эзотерикой для уставших от жизни. Но это была не дешевка.

Глаз.

Синий, с белой радужкой, окруженный причудливой вязью металла – темного, с зеленцой, похожего на старое се-

ребро. Размером с крупную оливу, тяжелый, холодный. Глаз смотрел на меня с ладони немигающим, чуть скошенным взглядом, и вдруг мне показалось, что это не я его рассматриваю, а он – меня.

– Нашла-таки, – раздалось за спиной.

Я вздрогнула. На пороге комнаты стояла мама – в пальто, с мокрыми от снега волосами, с авоськой, полной мандаринов (откуда зимой мандарины? у нее вечно этот советский пунктик – запастись фруктами, будто завтра война). Она смотрела на мою ладонь с выражением, которого я у нее никогда не видела: смесь страха, усталости и... вины?

– Что это, мам?

– Глаз от дурного взгляда. По-ихнему – гёз. Или назар. Турки верят, что он ловит зависть и зло, как мух. – Она поставила сумку на пол, не глядя, все еще глядя на мою руку. – Прабабкаина память.

– Прабабки? – я наморщила лоб, перебирая скудные знания о семейной истории. – Той самой, что...

– Что жила в Крыму. Да.

Мама подошла ближе, села рядом на пол – тяжело, по-старушечьи, хотя ей только пятьдесят пять. Взяла у меня амулет, повертела в пальцах, и тот блеснул в тусклом свете люстры.

– Мария. Твоя прапрабабка. Мы звали ее Маня, а на самом деле она была Марией Александровной. Из Керчи. Рыбацкая дочь, девка с норовом, травница. И вышла она за-

муж... – мама замолчала, словно подбирая слова.

– За кого?

– За турка. За османского офицера. В войну.

Я молчала. Исторический факультет университета, который я закончила пять лет назад, вдруг показался мне издевательством. Крымская война, 1853–1856. Оборона Севастополя, Нахимов, Пирогов, матрос Кошка. Я знала даты, имена, карты сражений. Но я не знала, что моя собственная прапрабабка жила в этом аду.

– И что с ней стало?

– Уехала. С ним. В Стамбул.

– Бросила все?

Мама усмехнулась – криво, одними уголками губ.

– А что ей было бросать? Дом сожгли. Отца убили. Братья пропали без вести. Мать умерла от тифа на ее руках. Осталась она одна в пятнадцать лет, в разоренном городе, среди чужих. А он – раненый, молодой, офицер. Принес ее в дом, а потом и в сердце. Или она его. Кто теперь разберет.

– И она стала турчанкой?

– Она стала Мариам. Приняла ислам, родила детей. Но до самой смерти, говорят, выходила на берег Босфора и смотрела на север, на море. И плакала. Каждый день, пока глаза не высохли. А потом перестала. И стала просто жить. Так, как смогла. – Мама замолчала, потом добавила тише: – Бабушка твоя ее внучка. Моя мать. Потому и сундук берегла. Там не вещи – там жизнь.

Она протянула мне амулет обратно. Я взяла. Металл уже не казался ледяным – нагрелся от наших рук, прилип к коже.

– Почему ты раньше не рассказывала?

– А зачем? Чтобы ты в универе историю учила или чтоб думала, откуда у тебя этот характер? – мама поднялась, отряхнула юбку. – Мы, женщины этого рода, все такие. Выходим за тех, за кого не надо. Едем туда, куда не просят. Терпим то, что терпеть невозможно. А потом умираем, глядя на море.

Она ушла на кухню греметь чайником, оставив меня на полу, среди разобранного бабушкиного наследства, с синим глазом в руке.

Я тогда еще не знала, что через три месяца встречу Али.

Я тогда еще не знала, что море, на которое буду смотреть я, будет не Черным и не Босфором, а совсем другим – чужим, рыжим от закатов и взрывов, и что смотреть я буду не в тоску по прошлому, а в страх перед будущим.

Я тогда просто сидела и вертела в пальцах тяжелый, прохладный кругляш, и мне казалось, что сквозь время до меня долетает запах полыни – той самой, горькой, что растет в крымских степях. Хотя откуда ему взяться в питерской квартире с пластиковыми окнами?

Внизу, во дворе, заорала чья-то машина. Сосед сверху начал сверлить – суббота, ремонт. Обычная жизнь. Обычный день.

Амулет лежал на моей ладони и молчал.

Но мне вдруг стало очень страшно. Не за себя – за ту, давнюю, Марию, которую я никогда не знала. И за ту, будущую, которой стану, если повторю ее судьбу.

Я сжала амулет в кулаке так сильно, что костяшки побелели, и пообещала себе: я буду умнее. Я не поеду за чужим мужчиной в чужую страну. Я не брошу все ради любви. Я не буду смотреть на море и плакать.

Я – Анна. Мне двадцать восемь. Я умная, современная, независимая женщина. У меня есть диплом и съемная квартира на проспекте Науки. У меня есть подруги, которые пьют со мной вино по пятницам, и работа в архиве, где пахнет не пылью, а бумажной пылью. У меня все под контролем.

Я так и не надела тот амулет. Просто сунула в карман джинсов, а потом переложила в косметичку, а потом забыла о нем.

Забыла ровно до того дня, когда на лекции по истории восточной дипломатии (я вела факультатив на истфаке, подрабатывала) в аудиторию вошел Он.

Но это уже совсем другая история.

А за тысячу километров от Петербурга, в городе, которого через год не будет на картах, молодой человек по имени Али сдавал последний экзамен в университете и думал не о дипломе, а о девушке, которую встретил вчера в библиотеке. У нее были светлые волосы, заплетенные в косу, и странная синяя брошь на пальто – глаз, похожий на тот, что его бабушка носила на шее всю жизнь. «Гёз», – подумал

он тогда. От дурного глаза. Интересно, от чего ей нужно защищаться здесь, в безопасном, снежном, чужом городе?

Али не знал ответа. Но очень хотел узнать.

Глава 2. Чужой

Крым, окрестности Керчи, лето 1854 года

Первый труп она увидела у родника.

Мужчина в мундире, которого она не знала – не наш, не русский, но и не турок, судя по странной вычурной форме, – лежал лицом в воде, и ручей уже начал разносить бурую муть от его раны. Мария застыла с кувшином в руках, глядя, как вода омывает чужие, остекленевшие глаза.

Ей было девятнадцать. До этого дня самое страшное, что она видела, – смерть отца, утонувшего в море три года назад. Море тогда вернуло его тело на третий день, синее, раздутое, неузнаваемое. Мать выла так, что в соседних домах закрывали ставни.

Теперь не выл никто. Потому что море было не единственным, кто приносил мертвых.

Война пришла в Крым незаметно, как чахотка. Сначала просто слухи – высадились, идут, уже в Евпатории. Потом – беженцы с запада, с подводами, с детьми, с обезумевшими глазами. Потом – солдаты, наши, русские, которые шли на юг и которым нужен был хлеб, вода, ночлег. Мать отдавала последнее, крестилась и шептала: «Господи, спаси и сохрани».

А потом пришли чужие.

Мария так и не поняла, чьи они были – англичане, французы или турки. Для нее они все были одинаковы: чужая

речь, чужая вера, чужая смерть. Они жгли деревни, забирали скотину, насиловали женщин – это она слышала от тех, кто успел убежать. Сама она не видела. Пока не увидела.

Родник, к которому она пришла, был в получасе ходьбы от их временного убежища – старой рыбацкой хижины в балке, где они прятались уже вторую неделю. Мать, младший брат Петро и она. Хижина досталась от деда, никто не помнил, кто ее строил и когда. Но стены держались, крыша не текла, и рядом была вода. Этого хватало, чтобы выживать.

Теперь вода была отравлена.

Мария разжала пальцы. Кувшин упал на камни и разбился.

Она бежала обратно не разбирая дороги, юбка рвалась о терновник, ветки хлестали по лицу, но она не чувствовала боли. В ушах стучала только одна мысль: *надо уходить, надо уходить немедленно, они близко, они уже здесь.*

Хижина встретила ее тишиной. Слишком тихой.

Мать сидела на пороге, глядя в одну точку. Петро плакал, уткнувшись лицом ей в колени.

– Мама?

Мать подняла голову. Глаза у нее были сухие, страшные.

– Петьку забирают, – сказала она ровно, будто о погоде. – Приходили двое. Сказали, всех мальчишек в отряд. Государь велел. Ополчение.

Петру было четырнадцать.

Мария села рядом, обняла брата, прижала к себе. Он пах

потом и страхом, мелко дрожал, и от этой дрожи у нее самой застучали зубы.

– Не отдам, – сказала мать все тем же ровным голосом. – Сбежим дальше. В горы.

– Мама, там вода... – Мария запнулась, вспомнив труп у родника. – Там чужие. Я видела. Мертвый. В ручье.

Мать долго молчала. Потом перекрестилась.

– Значит, завтра. Сегодня ночуем здесь. Бог даст, не найдут.

Они не нашли. Ни ночью, ни утром. Но на рассвете пришли другие.

Из дневников Марии (запись, датированная 1889 годом, найденная в сундуке):

«Я часто думаю потом, как всё могло бы повернуться, не услышь я тот стон. Если б заткнула уши, если б осталась в хижине, если б не пошла за хворостом. Но я пошла. И слышала.

Господь испытывает нас не пожарами и не потопами. Он испытывает нас тихим стоном в кустах, на который мы можем отозваться – или пройти мимо. Я отозвалась. И понесла свой крест потом полвека.

Но знаю одно: если б мне дали прожить жизнь заново, я пошла бы на тот стон снова. Потому что мать учила: человек – это душа, а не мундир. И враг – тоже человек, пока ты не дал ему умереть как собаке.

Я дала ему воды. А он дал мне – жизнь. И смерть моей

прежней жизни – тоже».

Он лежал в овраге, заваленный ветками, – видно, пытался спрятаться. Мундир темно-синий, с золотым шитьем, разодран в клочья, одна рука вывернута под странным углом, лицо белое как мел. Турок. Она уже научилась различать – по феске, валявшейся рядом, по разрезу глаз.

Мария застыла, сжимая в руке хворост. Надо уходить. Не ее дело. Пустьдохнет. Это враг. Это те, кто жгут деревни, кто забирают мальчишек, кто оскверняют родники мертвечиной.

Она сделала шаг назад.

И тут он открыл глаза.

Черные, огромные, безумные от боли. Он смотрел на нее и не видел – или видел что-то другое, свое, страшное. Губы шевельнулись. Она не поняла слов – турецкого она не знала. Но жест поняла: он тянул к ней здоровую руку, просил. О чем? О воде? О смерти? О помощи?

Мария стояла и смотрела. Минуту. Две. Три.

Потом бросила хворост и опустилась на колени рядом с ним.

– Тише, – сказала она по-русски, сама не зная зачем. – Тише, слышишь? Я не уйду. Я здесь.

Он не понял слов. Но понял голос. Глаза его закрылись, и по лицу разлилось такое облегчение, что у нее сжалось сердце.

Дура ты, Маня, – подумала она, раздирая его мундир,

чтобы добраться до раны. – Дура последняя. Убьют же. И его не спасешь, и себя погубишь.

Рука нащупала рваную дыру в боку. Кровь не текла – за-пеклась, но рана была глубокой, грязной, с землей и тряпичными клочьями.

– Господи, – выдохнула она. – Господи, помоги.

Она не знала, кому молится этот человек – Аллаху, Богу, кому-то еще. Но сейчас, здесь, в этом овраге, был только один Бог – тот, который учил миловать. И она вытащила из кармана узелок с травяной присыпкой, которую всегда носила с собой, чтобы спасти его. Такого чужого, и одновременно такого близкого.

Осман

Он не помнил, как упал. Помнил только взрыв, огонь, крики – и потом темноту. А в темноте – лицо. Белое, с огромными испуганными глазами, обрамленное светлыми волосами, выбившимися из-под платка.

Он решил, что умер. Что это гурия – райская дева, обещанная павшим воинам. Но гурии не пахнут полынью и потом, и руки у них не такие – грубые, в мозолях, но бережные.

Она говорила что-то на своем гортанном языке, и голос ее лился как вода в пустыне. Осман не понимал слов, но понимал другое: эта женщина не даст ему умереть. Не потому, что он ей нужен. Потому что она – хорошая. Потому что так ее воспитали. Потому что для нее враг – тоже человек.

Он попытался сказать спасибо, но язык не слушался. Тогда он просто смотрел на нее, пока сознание не померкло снова.

В следующий раз он очнулся в хижине. Пахло дымом, травами и еще чем-то знакомым – морем? Нет, скорее, рыбой. Рыбным супом, который ему когда-то варила мать в Стамбуле. Горло сжалось.

Она сидела рядом, сжимая в руках четки – нет, не четки, а что-то другое. Крестик. Она молилась. Перед маленькой иконой в углу, которую он заметил только сейчас.

Значит, не гурия. Значит, гяурка. Неверная.

Враг.

Он должен был ее убить. Или хотя бы прогнать. Но вместо этого он лежал и смотрел, как она шевелит губами, обращаясь к своему Богу, и чувствовал, как в груди разливается что-то, чему он не знал названия.

Она заметила, что он очнулся, вздрогнула, перекрестилась быстро, украдкой – словно стесняясь.

– Пить хочешь? – спросила она и показала жестом.

Он кивнул. Она поднесла кружку к его губам, придерживая голову. Вода была теплая, пахла мятой – наверное, она добавила какие-то свои травы. Осман пил и смотрел на ее руки. Тонкие, сильные, в цыпках от холодной воды и работы. Руки, которые спасли ему жизнь.

– Спасибо, – сказал он по-турецки. – Я Осман.

Она не поняла. Но улыбнулась – впервые за все время –

и повторила:

– Осман. – А потом ткнула себя в грудь: – Мария.

– Марьям, – выговорил он.

Она покачала головой и четко, по слогам, поправила:

– Ма-ри-я.

Он попробовал снова. Получилось лучше. Она кивнула и улыбнулась опять, и от этой улыбки у него вдруг защипало в глазах.

Что ты делаешь, Осман? – спросил он себя. – Ты на войне. Твои братья погибают. А ты лежишь тут и смотришь на вражескую женщину как на свет в окошке.

Но ответа не находил.

Только смотрел, как она поправляет повязку у него на боку, и думал: Господи, если Ты есть, если Ты слышишь меня, сделай так, чтобы война кончилась. Чтобы я мог увезти ее отсюда. Чтобы она никогда больше не смотрела так испуганно, когда за окном стреляют.

Он не знал тогда, что война только начинается. И что его желание сбудется – но совсем не так, как он мечтал.

Санкт-Петербург, май 2024 года

Он вошел в аудиторию за пять минут до звонка, и свет почему-то упал на него так, будто кто-то специально настраивал софиты.

Анна читала лекцию по истории восточной дипломатии XIX века уже второй год и давно привыкла, что студенты

смотрят на нее в лучшем случае равнодушно, в худшем – откровенно скучают. Дипломатия, Крымская война, Парижский трактат – кому это нужно, когда за окном весна, в телефоне тикток, а впереди – бесконечная череда экзаменов и пустота.

Но этот смотрел иначе. Он сидел на последнем ряду, не записывал, не отвлекался на телефон – просто слушал, и в глазах у него было что-то такое... живое. Настоящее.

Анна сбилась. Всего на секунду. Потом взяла себя в руки и продолжила рассказ о тонкостях переговоров между Россией и Османской империей.

После лекции он подошел.

– Простите, – сказал он по-русски почти без акцента. – Я Али. Аспирант, востоковедение. Можно задать вопрос?

– Конечно.

– Вы говорили о Крымской войне... У вас есть материалы о судьбах мирного населения? О женщинах, детях, которых война вырывала из привычной жизни?

Анна моргнула. Станный вопрос для аспиранта-востоковеда. Обычно их интересуют договоры, политика, экономика.

– Есть, – ответила она осторожно. – Но это не моя специализация. Я больше по дипломатической переписке.

– А жаль, – он улыбнулся, и от этой улыбки у Анны почему-то дрогнуло сердце. – Мне кажется, настоящая история – это не то, что пишут послы. А то, как выживают простые

люди. Особенно женщины.

Он смотрел на нее в упор, и Анна вдруг поймала себя на мысли, что ей хочется рассказать ему все. Про сундук, про амулет, про прапрабабку Марию, которая выжила и осталась собой. Про бабушку Марию, которая всю жизнь смотрела на море.

Вместо этого она сказала:

– Вы правы. Но такие истории редко попадают в архивы.

– Может быть, их надо искать в другом месте, – он кивнул на прощание и ушел, оставив после себя запах дорогого парфюма и смутное чувство тревоги, которое Анна никак не могла объяснить.

Они встретились снова через неделю в библиотеке. Случайно. Или не случайно – кто теперь разберет.

Али сидел за столом у окна, заваленный книгами по истории ислама, и когда Анна вошла, поднял голову и улыбнулся так, будто ждал именно ее.

– Вы не против? – он показал на стул напротив.

Она села. И проговорила с ним до закрытия библиотеки. Оказалось, он родился в маленькой стране на берегу моря, которую Анна с трудом находила на карте. Учился сначала в Стамбуле, потом выиграл грант на учебу в Петербурге. Его семья – большая, шумная, любящая – осталась там, где теперь спокойно.

– Там война? – спросила Анна прямо.

Али помолчал.

– Там всегда что-то происходит. То война, то затишье перед войной. Я привык.

– Как можно привыкнуть к войне?

– А как можно привыкнуть к холоду? – он усмехнулся. –

Вы, русские, живете в снегах полгода и считаете это нормальным. Мы живем рядом со смертью. Это наша география.

Анна хотела возразить, но поняла, что нечего. Она действительно не знала, каково это – засыпать под звуки сирен и просыпаться под грохот взрывов.

– Я не хочу, чтобы вы думали, что мы дикари, – сказал Али тихо. – Мы просто хотим жить. Как все. Растить детей, строить дома, любить. Но когда приходят чужие – приходится защищаться.

– Чужие?

– Вы бы удивились, узнав, сколько у нас «друзей», которые хотят нашей земли, нашей воды, нашей веры. – Он посмотрел ей в глаза. – Но я не об этом хотел говорить. Я о вас. Вы странная.

– Странная?

– Вы смотрите на мир так... будто боитесь чего-то. Будто знаете, что случится плохое, и ждете. Откуда?

Анна замерла. Никто никогда не говорил ей такого. Ни подруги, с которыми она пила вино по пятницам, ни мама, которая вечно требовала внуков, ни бывшие парни, которых она бросала первой, потому что не умела доверять.

– Не знаю, – ответила она честно. – Может быть, это семейное.

– Расскажите?

И она рассказала. Про сундук, про амулет, про прапрабабку, которая уехала с турецким офицером и осталась православной на чужбине. Про бабушку, которая смотрела на Финский залив и плакала.

Али слушал молча. А когда она закончила, сказал:

– У моей бабушки был такой же глаз. Гёз. Она говорила, что это от дурного глаза. И еще она говорила, что русские женщины – самые сильные в мире. Потому что они умеют любить даже тех, кого должны ненавидеть.

– Твоя бабушка знала русских?

– Моя бабушка была русской. – Али улыбнулся. – Ее звали Мерием. А до того – Мария. Она приехала в нашу страну совсем молодой, с мужем, которого любила. И прожила там пятьдесят лет. Ни разу не пожалела. Ни разу не уехала. Даже когда могла.

У Анны пересохло в горле.

– Твою бабушку звали Мария?

– Да. А что?

– Мою прапрабабку тоже. И она тоже уехала. В Стамбул. С турком. В Крымскую войну.

Они смотрели друг на друга через библиотечный стол, заваленный книгами, и мир вокруг сузился до этого взгляда – черные глаза в черные, серые в серые.

– Это невозможно, – сказал Али.

– Знаю, – ответила Анна. – Но сердце почему-то колотится.

Он протянул руку через стол и накрыл ее ладонь своей. Рука была теплой, сухой, сильной.

– Я не знаю, зачем мы встретились, – сказал он. – Но я рад. Очень рад.

Анна не ответила. Она только смотрела на их руки – его смуглую, ее бледную – и думала о том, как тонка грань между случайностью и судьбой. И о том, что бабушкин амулет, кажется, до сих пор лежит в косметичке. Надо бы достать. Надо бы надеть.

Но она не надела. Потому что боялась. Боялась, что если наденет – пути назад не будет.

Две недели спустя

Мама позвонила в субботу утром, когда Анна варила кофе и думала об Али. Думала она о нем постоянно – это начинало пугать.

– Ты чего не приезжаешь? – спросила мама без предисловий. – Вторую неделю не была. Я волнуюсь.

– Работа, мам. Архив, лекции, сама знаешь.

– Знаю я твою работу. Ты там не влюбилась случайно?

Анна поперхнулась кофе.

– С чего ты взяла?

– Голос у тебя странный. И молчишь много. Когда ты мол-

чишь – значит, думаешь. Когда думаешь – значит, мужик. Бабушка логика, Аня, не мы ее придумали.

– Мам, нет никакого мужика.

– Врешь.

– Не вру.

– Ну смотри. – Мама помолчала. – Я тут сундук бабушкин дособирила. Нашла еще кое-что. Приезжай – покажу.

– Что нашла?

– Приезжай. Не по телефону такие вещи.

Мама повесила трубку. Анна смотрела на остывающий кофе и чувствовала, как внутри разрастается тревога – та самая, которую Али угадал в ней с первого взгляда.

Она поехала в тот же день.

В квартире на Петроградской пахло теперь не лавандой, а ремонтом – мама затеяла менять обои. Сундук стоял посреди комнаты, пустой, с поднятой крышкой, и вид у него был сиротливый.

– Смотри, – мама протянула ей конверт. Пожелтевший, запечатанный сургучом, с вензелем, который Анна не узнала. – В тайном отделении нашла. На дне. Бабушка, видно, берегла.

– Открывала?

– Нет. Тебя ждала.

Анна сломала печать. Внутри оказались два листа, испи-

санных бисерным почерком – по-русски, но буквы были старые, с ятями, и читать приходилось по слогам.

«1889 год, Стамбул. Дневник Марии, дочери Александровой, в крещении Марией нареченной, а здесь Мерием прозываемой».

– Господи, – выдохнула Анна. – Это же ее дневник. Прапрабабкин.

– Читай вслух, – попросила мама. – Я тоже хочу слышать. Анна начала читать. Голос дрожал.

«Сегодня двадцать пять лет, как я покинула Крым. Двадцать пять лет, как стала чуждой женой в чуждой земле. Двадцать пять лет, как не видела родного моря. Каждое утро я выхожу на берег Босфора и смотрю на север. Там, за горизонтом, моя родина. Там мой дом, которого больше нет. Там могилы моих родных, которых я не оплакала как должно.»

Осман добр ко мне. Дети выросли хорошими людьми. Внуки не знают русского языка, и это моя самая горькая боль. Я учу их тайком, когда муж на работе. Шепчу им русские колыбельные, которые помню с детства. Они смеются – слова смешные, не такие, как наши. А я плачу. Потому что это все, что у меня осталось от той жизни.»

Иногда я думаю: правильно ли поступила? Может, надо было остаться, умереть с родными, но не предавать свою веру, свой язык, свою кровь? А потом смотрю на Османа – и понимаю: я не предала. Я просто выбрала жизнь. И любовь.»

Господь простит. Он ведь сам и есть любовь.

Ношу крест под одеждой. Никто не знает. Даже дети. Только муж догадывается, но молчит. Иногда ночью, когда он думает, что я сплю, он гладит меня по голове и шепчет: «Моя русская, моя чужая, моя родная». И я молюсь тогда сразу двум Богам – чтобы он был счастлив и чтобы меня простили. Оба Бога молчат. Может, потому что я сама не знаю, кому из них принадлежу.

Амулет, который он подарил мне в первую нашу встречу – синий глаз, гёз, – я ношу всегда. Он говорит, что глаз защищает от дурного. А я думаю: может, он просто напоминает, что надо смотреть и видеть. Видеть, где правда, а где ложь. Где свое, а где чужое. Где любовь, а где страх.

Я научилась здесь многому. Готовить их еду, говорить на их языке, уважать их обычаи. Но внутри я осталась русской. Марией. Дочерью рыбака из Керчи. И когда умру, хочу, чтобы на моей могиле написали: «Здесь лежит Мария, которая любила». Без фамилий, без титулов, без указания веры. Просто Мария. Потому что любовь – она одна. Для всех одна.

Завтра снова пойду на берег. Посмотрю на север. Помолюсь по-русски. И буду жить дальше. Потому что жить – это и есть мой главный подвиг».

Анна замолчала. В комнате было тихо – только шум дождя за окном да мамино дыхание.

– Вот такая она была, твоя прапрабабка, – сказала мама

тихо. – Сильная. Гордая. Верная.

– Почему мы не знали? Почему она не вернулась?

– А куда ей было возвращаться? В пустоту, где нет дома, родных нет, могилы не найти. Да и Осман – он же ее жизнь. Как ты бросишь свою жизнь, Аня? Как уйдешь от того, без чего не дышишь?

Анна молчала, сжимая в руках пожелтевшие листы. Амулет, который она достала из косметички перед выходом из дома, жег карман.

– Мам, – сказала она наконец. – Я, кажется, встретила человека.

– Какого?

– Его зовут Али. Он аспирант. С востока.

Мама долго смотрела на нее. Потом перевела взгляд на сундук. Потом снова на Анну.

– Турок?

– Нет-нет. Из маленькой страны. Там сейчас война.

– Война, – эхом повторила мама. – Господи, Аня. Ты понимаешь, что говоришь?

– Понимаю.

– И что ты хочешь?

Анна посмотрела на дневник прапрабабки, на амулет, на мамино лицо, вдруг ставшее старше на десять лет.

– Я не знаю, – ответила она честно. – Я только знаю, что когда я с ним – я дома. Впервые в жизни. Дома.

Мама подошла к окну, долго смотрела на дождь. Потом

обернулась:

– Носи амулет. Бабкин. Марии-Мерием. Может, уберет.

– От чего?

– От тебя самой, – мама усмехнулась горько. – Мы, женщины этого рода, сами себе злейшие враги. Или лучшие друзья. Смотря как повернуть.

Она вышла из комнаты, оставив Анну наедине с дневником, амулетом и тихим ужасом перед будущим, которое уже стучалось в дверь

Глава 3. Выбор

Крым, осень 1854 года

Осман выжил.

Три недели Мария боролась за него с лихорадкой, с гноящимися ранами, с беспамятством, в котором он кричал на турецком, звал мать, просил воды, иногда плакал как ребенок. Она поила его отварами, меняла повязки, вычищала гной, шептала молитвы – свои, русские, православные, над чужим телом, над чужой душой.

Иногда ночью, когда жар спадал и он затихал, она сидела рядом и смотрела на его лицо. Красивое. Даже слишком красивое для мужчины – тонкие черты, длинные ресницы, жесткая линия рта, которая во сне становилась мягкой, почти детской. Она гладила его по голове, и сердце ее разрывалось между жалостью и чем-то другим, чему она не смела дать имя.

На двадцатый день он открыл глаза и впервые посмотрел на нее осмысленно.

– Ты здесь, – сказал он по-турецки. – Все еще здесь.

Она не поняла слов, но поняла взгляд. И заплакала. Впервые за все эти недели – заплакала навзрыд, уткнувшись лицом в его здоровое плечо, трясясь всем телом, не в силах остановиться.

Он гладил ее по голове здоровой рукой и повторял одно

слово, которое она потом выучила:

– Teşekkür ederim. Teşekkür ederim. Спасибо. Спасибо.

Она плакала и думала о матери, которая ушла в ту ночь и не вернулась. О Петре, которого, наверное, уже забрали в ополчение. О доме, которого больше нет. О том, что осталась совсем одна в этом мире – и этот чужой, этот враг, этот мужчина теперь единственный, кто у нее есть.

Из дневников Марии (запись, датированная 1889 годом):

«Когда он очнулся в первый раз и посмотрел на меня – я поняла, что пропала. Не от любви – от той любви, о которой пишут в книгах, я тогда еще не знала. А от чувства, что я теперь за него отвечаю. Что если он умрет – я умру тоже. Не телом, а душой. Потому что столько сил вложила, столько ночей без сна, столько молитв – и все зря?»

Господь миловал. Он выжил.

А через месяц я поняла, что люблю его. По-настоящему. Так, что дышать без него не могу. Так, что просыпаюсь ночью и проверяю, дышит ли. Так, что готова на все – на позор, на смерть, на изгнание. Лишь бы быть рядом.

Мать моя, прости меня, грешную. Но такова моя судьба. И я ее принимаю».

Октябрь выдался холодным. Война ушла куда-то на север, к Севастополю, и в их балке стало тихо – только ветер с моря да крики чаек. Осман окреп настолько, что мог уже сидеть,

потом ходить, опираясь на палку, потом – ходить сам.

Они почти не говорили – языка не знали. Но научились понимать друг друга без слов. Взгляды, жесты, прикосновения. Он приносил дрова – она топила печь. Она варила хлебку из того, что удавалось найти в лесу – он чинил крышу, которая протекала. Вечерами сидели у огня, и он учил ее турецким словам, показывая на предметы:

– Ateş. Огонь.

– Ateş, – повторяла она.

– Su. Вода.

– Su.

– Kadın. Женщина.

Она показывала на себя: – Мария.

Он качал головой и улыбался:

– Maryam.

Она не спорила. Пусть будет Марьям. Для него.

Однажды ночью, когда ветер выл особенно зло и хижина дрожала от порывов, он подошел к ней, сел рядом и взял ее руку в свою.

– Maryam, – сказал он тихо. – Ben... seni seviyorum.

Она не поняла. Но сердце забилося часто-часто, потому что в глазах его было то самое, чему она не смела дать имя.

– Что это значит? – спросила она шепотом.

Он долго искал слова. Потом показал на себя, на нее, на сердце. Сложил ладони вместе.

– Осман и Мария, – сказал он медленно, по-русски, впер-

вые за все время. – Один. Навсегда.

У нее перехватило дыхание.

– Ты... ты это серьезно?

Он не понял вопроса, но понял интонацию. Кивнул. И осторожно, как самую большую драгоценность, достал из кармана куртки что-то маленькое, блестящее.

Амулет.

Синий глаз, гёз, на тонкой серебряной цепочке.

– Annemden, – сказал он. – От матери. Для моей жены. Для тебя.

Она смотрела на амулет, и по щекам текли слезы. Мать его, значит, благословила. Мать, которая осталась там, в Турции, и, наверное, молится за сына каждый день. А ее мать – ушла в ночь и не вернулась. И неизвестно, жива ли, и простит ли когда-нибудь.

– Я не могу, – прошептала она. – Я крещеная. Я русская. Я враг тебе.

Он не понял слов, но понял слезы. Обнял ее, прижал к себе, зарылся лицом в ее волосы.

– Maruam, – шептал он. – Maruam, canım, hayatım... Душа моя, жизнь моя.

Она плакала и думала: *Господи, что же я делаю? Господи, прости меня. Но я не могу иначе. Не могу.*

Он надел амулет ей на шею. Стекланный глаз лег на грудь, холодный, тяжелый, чужой. И вдруг показался теплым. Родным.

– Спасибо, – сказала она по-русски. – Я буду беречь.

Он кивнул, будто понял.

А утром пришли за ним.

Их было пятеро – турецких солдат, оборванных, голодных, злых. Они выломали дверь хижины и ворвались внутрь, когда Мария месила тесто для лепешек.

Осман вскочил, заслоняя ее собой. Заговорил быстро, резко – она не понимала слов, но поняла, что он спорит, доказывает, требует.

Солдаты смотрели на нее – на ее светлые волосы, на ее русское лицо, на крестик, который она носила под рубахой, но который, наверное, был виден в вырезе ворота. И в глазах их было что-то страшное. То же самое, что у тех мародеров.

Один из них шагнул к ней. Осман перегородил дорогу.

Солдат ударил его. Осман упал. И в ту же секунду Мария закричала – дико, нечеловечески, бросилась к нему, заслоняя собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.